

Марина
СЕРОВА

**Я больше
не шучу**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
В объятиях бодигарда
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125334
Я больше не шучу. В объятиях бодигарда: Эксмо; М.: 2003
ISBN 5-04-003909-3*

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

В объятиях бодигарда

ГЛАВА 1

Душным июльским вечером огромный черный лимузин, отполированный до зеркального блеска, плавно качнувшись, остановился возле длинной серой девятиэтажки.

Ни водитель лимузина, ни малочисленные прохожие не обратили внимания на невысокого, белобрысого парня в темно-синем рабочем комбинезоне, вышедшего из «Газели» – фургона, стоявшей неподалеку от здания, в котором располагалась налоговая полиция города Тарасова. Парень быстро, без суеты, пересек улицу, делая вид, что направляется к бару, размещавшемуся в пристроенном к девятиэтажке помещении.

Поравнявшись с задним бампером лимузина, парень в комбинезоне пригнулся, затем лег на спину и, ловко перебирая руками и ногами, скрылся под днищем автомобиля. Добравшись до места, над которым располагался пассажирский салон, белобрысый вынул из нагрудного кармана небольшую, размером с мыльницу, коробочку, в боковую часть которой был вмонтирован жидкокристаллический экран (типа тех, что используют в электронных часах) и черная кнопка.

Парень надавил пальцем на кнопку, и на безжизненном экране вспыхнула цифра 1. После этого он сверился с наручными часами и нажал на кнопку еще четыре раза. Светящаяся единичка превратилась в пятерку.

Выполнив эти манипуляции, парень приложил коробочку к днищу лимузина, и она прикрепилась к нему, удерживаемая магнитом. Поколебавшись секунду, парень снова протянул руку к коробочке и надавил на кнопку еще пять раз. После этого он выбрался из-под машины и тем же путем вернулся к «Газели».

– Ну что, Сивый, порядок? – спросил коренастый, с короткой стрижкой водитель фургона, когда белобрысый устроился на сиденье рядом с ним.

– Порядок, – Сивый достал из кармана пачку «Мальборо», зажигалку и закурил, – время пошло. Десять минут, – он взглянул на свои часы и добавил: – Теперь уже восемь.

– Как десять? Бляха-муха! – выругался водитель. – Договорились на пять, он же щас уже выйдет.

– Ну и куда он денется? – Сивый глубоко затынулся и посмотрел на лимузин, затемненные стекла которого отражали свет уличных фонарей.

– Договорились на пять, – упрямо талдычил коренастый, – значит, надо было ставить на пять.

– Да ладно тебе, Камардос, – улыбнулся Сивый, – пять минут раньше, пять минут позже – какая разница?

– Большая разница, – упирался Камардос, – одна дает,

другая дразнится. А если он в центр поедет?! Невинные люди могут погибнуть!

– Ну ты даешь, Камардос, – хмыкнул Сивый. – Сколько уж их на твоём счету? Штук двадцать?

– Ты будешь двадцать первым, если все сорвется, – угрюмо пригрозил Камардос.

В тоне его голоса не было и намека на шутку. Он посмотрел на арку, где в этот момент появился русоволосый молодой человек лет двадцати трех, одетый в легкие бежевые брюки и светло-оливковую льняную рубашку с коротким рукавом.

Молодой человек на ходу достал из нагрудного кармана солнцезащитные очки в изящной роговой оправе и водрузил их себе на нос.

– На кой черт ему очки в такую темень?

Камардос и Сивый напряженно наблюдали за действиями молодого человека. Не доходя метров десять до лимузина, тот вдруг остановился, видимо, что-то вспомнив, и, сделав знак невидимому водителю, повернул обратно.

– Ты въехал, Камардос? – улыбнулся Сивый, глядя на часы. – Если бы поставили на пять минут, пролетели бы, как фанера над Парижем!

– Че ты скалишься, козел?! – Камардос замахнулся на него растопыренной пятерней. – Сколько время?

– Шестая минута пошла. Ты бы отъехал немного, а то долбанет – мало не покажется.

Камардос нехотя запустил двигатель, тронулся с места и остановился метрах в тридцати от носовой части лимузина.

– Ну и где ты встал? – Сивый пренебрежительно посмотрел на него. – А если он рванет, когда будет мимо нас проезжать?

Камардос, видимо, осознав свою ошибку, поджал губы, но с места не тронулся.

– Здесь подождем, – упрямо сказал он и, повернув голову на мощной шее, посмотрел в боковое зеркало. – Главное, чтобы он успел сесть в машину. Четыре часа, блин, караулили!

– Меньше двух минут осталось, – Сивый высунул голову в окно и стал наблюдать за аркой.

– Ну, где ты там? – занервничал Камардос.

– Минута, – отсчитывал Сивый.

– Заткнись, бляха-муха, – грубо одернул приятеля Камардос.

Сивый откинулся на спинку сиденья и снова закурил.

– Наверное, решил чайку на дорожку выпить или чего покрепче, – он выпустил дым через окно. – Поехали, двадцать секунд осталось.

– Ну иди же, сука, скорее, – почти ласково просил Камардос.

Он запустил двигатель, но с места пока не трогался.

– Вот он, – облегченно выдохнул Камардос, отпуская педаль сцепления.

В проеме арки появилась знакомая фигура в светло-оливковой рубашке.

– Пять секунд, четыре, три, две...

Раздался мощный взрыв – задние колеса лимузина оторвались почти на метр от земли. Бронированное днище поглотило удар, но от детонации взорвался бензобак, и красные языки пламени, охватившие черный лимузин, озарили ночное небо. Из окон соседних домов повывлетали стекла. Раздался оглушительный треск: лопнула огромная витрина парикмахерской, усеяв тротуар мириадами остервенело-звонких осколков. Громко, но как будто испуганно, завывала сирена противопожарной сигнализации.

Молодой человек в оливковой рубашке чудовищной силы взрывной волной был отброшен обратно в арку. Точно катапультировавшись, он пролетел метров десять и упал на асфальт. Постепенно приходя в себя, морщась от боли, он медленно поднялся и стал инстинктивно себя ощупывать. Он сосредоточенно потер правую руку, несколько раз согнул и разогнул ее в локте и только потом, как будто вспомнив, что же в действительности произошло, застыл, в недоумении уставившись на то, что осталось от шикарного лимузина, в который он чуть было не сел. Соорудив из ладони левой руки козырек, парень, щурясь, не отрывая расширенных от удивления глаз, смотрел на бушевавшее и плюющееся раскаленными желтыми искрами пламя.

Невеста откуда, точно выросшая из-под земли, появилась

толпа зевак, многие из которых отчаянно жестикулировали и что-то напряженно выкрикивали, на все лады комментируя происшествие. На лицах некоторых застыл ужас, и они молча наблюдали за полыхающим остовом лимузина.

Парень в льняной рубашке негромко, но ожесточенно, со злобной досадой выругался и, кривя лицо в страдальческой гримасе, тяжело и как будто многозначительно вздохнул.

* * *

Время подходило к обеду. Отложив очередной роман Чейза, тетя Мила мирно трудилась на кухне, готовила свое фирменное блюдо – пассерованный картофель, от которого я, честно говоря, всегда сходила с ума. Это блюдо восхищало меня не только своими вкусовыми качествами, но прямо-таки умиляло простотой и скоростью приготовления. Рецепт действительно на удивление был прост: нарезаешь каждую картофелину на три-четыре части, кладешь в кастрюлю, на дно которой предварительно льешь растительное масло, добавляешь лавровый лист, закрываешь плотно крышкой, ставишь на большой огонь – и через десять минут блюдо уже готово.

Со вчерашнего вечера с северо-запада бесконечно унылой вереницей тянулись низкие сизые облака, которые, тяжелея и наливаясь на глазах дымящейся чернильной густотой, постепенно превращались в грозовые тучи. В комнату ши-

рокими волнами наплывал ватный удушающий зной. Влажный теплый воздух действовал расслабляюще и отупляюще. Гроза разразилась поздно ночью. Меня разбудили чудовищно-яркие вспышки молний, которые поначалу беззвучно полосовали низкое темно-серое небо. Вскоре их ослепительное сияние получило звуковое оформление в виде гулких и затяжных раскатов грома.

Но гроза не принесла ожидаемого облегчения и прохлады. С утра опять накрапывал дождик, не в силах пробить своими жиденькими струйками и осторожно-медлительными каплями плотной пелены неотступного зноя. Я лениво смотрела телик – выходить куда-либо не хотелось. Задаваясь вопросом, а не смотаться ли раньше намеченного срока на море, и борясь с сонливостью, я с трудом следила за сюжетом в очередной криминальной драме Тарантино. В этот момент кто-то нервно и отрывисто позвонил в дверь.

Трель звонка вывела меня из вялого кинематографического транса, но не успела я подняться с кресла, как услышала в прихожей торопливые шаги тети Милы и ее постоянный осторожный вопрос:

– Кто-о-о?

Подойдя к двери, я вопросительно взглянула на свою тетку.

– Говорят, что по делу, – сосредоточенно прошептала она, сделав такое выражение лица, что можно было подумать, что мы заседаем на конспиративной квартире где-нибудь в Же-

неве в смутные времена «искровцев».

Я поглядела в глазок. В его немного мутном окуляре маячили две незнакомые мне мужские физиономии. Один из звонивших был русоволосым и голубоглазым, в светлом пи-джаме и белой рубашке, другой – в темно-синей футболке, с коротко стриженными неопределенного цвета волосами и неприятным пронзительным взглядом.

– Что вам нужно? – спокойно спросила я.

– Мне вас рекомендовал Демидов, знаете такого? – раздался из-за двери нервный и слегка раздраженный тенорок. – У меня к вам дело. Я хотел бы кое-что вам поручить...

Повисла небольшая пауза, по окончании которой, ловя опасливые взгляды тетушки, я молча щелкнула замком и приоткрыла дверь.

– Можно войти? – с дежурной улыбкой на бледном, с правильными чертами лице спросил парень в светлом костюме.

– Прошу, – я пошире открыла дверь и немного посторо-нилась, пропуская посетителей.

– Это со мной, – кивнул вошедший в сторону рослого де-тины, мывшегося в замешательстве на пороге. – Вы – Охот-никова, – не столько спрашивая, сколько утверждая, произ-нес обладатель тенора.

– Что же вам рассказал обо мне Демидов? – с неподдель-ным интересом спросила я его, останавливаясь в прихожей.

– Что вы – крутой бодигард и что выручали его из множе-ства передраг, – парень снова улыбнулся. На сей раз выра-

жение его лица, как мне показалось, было более искренним и благосклонным.

– Прошу, – я указала рукой в направлении гостиной и взглядом попросила тетю Милу вернуться на кухню. Она понимающе посмотрела на меня, картинно пожала плечами и с наигранной обидой удалилась.

– Садитесь, – я выключила телевизор и вслед за гостями, провалившимися в мягкие подушки дивана, уселась в кресло.

– Меня зовут Олег Лепилин, и у меня к вам дело, – представился молодой человек. В его немного раскосых голубых глазах я различила удовлетворение и даже, я бы сказала, высокомерие. – Вы сейчас, как я вижу, без работы, я угадал? – спросил он, снисходительно улыбаясь.

Очевидно, его улыбка была вызвана сладко щекочущим самолюбием сознанием собственной проницательности.

– Вы хотите предложить мне работу? – без обиняков спросила я, переводя взгляд с Лепилина на высокого парня в синей майке и голубых джинсах.

Ткань майки рельефно топорщилась от упругой силы его накачанных бицепсов.

Лицо парня было как будто вырублено топором. Широкий, низкий лоб нависал над тяжелыми выдающимися скулами и квадратным подбородком. Его водянистые, бесцветные глаза сначала беспокойно забегали, подозрительно косясь по сторонам, а потом недоверчиво и заинтересованно

застыли на мне.

Пронзительный и цепкий взгляд, казалось, зафиксировал каждую деталь интерьера, и я постаралась придать своему лицу невозмутимое выражение. «Есть в нем что-то зверино-настороженное, волчье, что ли, – подумала я, – Никак, мент?.. Вечно у них это профессиональное недоверие во взгляде!»

– Вот именно, – уже без тени улыбки сказал он и, давая мне понять, какая бездна ответственности обрушится на меня в случае, если я приму его предложение, закинув ногу на ногу, авторитетно заявил: – Мне нужен телохранитель.

– Телохранитель? – непонимающе переспросила я, скосив глаза на парня в синей майке.

Лепилин перехватил мой удивленно-намекающий взгляд и поторопился пояснить:

– Хороший телохранитель, – он твердо посмотрел на меня, как бы говоря: я слов на ветер не бросаю.

– Вам угрожают? – поинтересовалась я.

– Мне нужен отличный бодигард, – упрямо и четко произнес он, как бы давая понять, что расспросы в мою компетенцию не входят.

– Я должна знать все. Если я берусь за дело, то в моих правилах получить как можно больше информации о моем работодателе. Это, между прочим, в его же интересах.

Произнося эту реплику, я и бровью не повела. Лепилин чуть заметно улыбнулся, демонстрируя завидное самообла-

дание.

– Вы знаете, чем занимается компания «Дионис-Л»? – неожиданно спросил он, решив обойти подводный камень взаимной неуступчивости.

– Не имею ни малейшего представления, – соврала я. Пусть этот высокомерно-напыщенный молодчик, временами играющий в демократию, а временами корчащий из себя потомка славного аристократического рода, потрудится объяснить.

– Моя компания – предприятие большого размаха, – с гордым пафосом начал Лепилин, делая ударение на слове «моя» и проводя немного подрагивающей рукой по зачесанным назад волосам. – Мы осуществляем крупные торговые сделки. Поле нашей деятельности – продукты питания. Естественно, у нас есть конкуренты и даже недоброжелатели. Так вот, чтобы избавить себя от лишних стрессов и опасностей, я решил прибегнуть к услугам такого хорошо зарекомендовавшего себя бодигарда, как вы.

Он льстиво и двусмысленно улыбнулся, но в его улыбку тут же закрался снисходительный нюанс, как будто он позволил себе извинительную глупость восхититься профессиональными достоинствами стоящего ниже его на социальной лестнице человека.

– Если не ошибаюсь, – решила я его поддеть, – нынешняя компания «Дионис-Л» – это бывшая плодоовощная база, снабжавшая в «совдеповские» времена овощами весь Та-

расов? – Я придала своему лицу наивное выражение.

Лепилин беспокойно заерзал, еще раз провел рукой по волосам и, пригвоздив меня к спинке кресла пронзительным и жестким взглядом, надменно сказал:

– Не имеет значения, что из себя представляло то или иное предприятие в доперестроечную эру. А вы, как я вижу, неплохо осведомлены, – в его глазах мелькнула тень недоверия: «Ты что, мол, меня за дурака держишь?»

– Просто вспомнила... – уклончиво ответила я и непринужденно посмотрела на парня в синей майке.

Тот был неподвижен, как скала. Его выгоревшие брови насупленно сошлись на переносице, а «глубокомысленный» взор, подобный хмурому осеннему дню, казалось, навсегда нашел себе место на моем лице. «Ну и зомби», – усмехнулась я про себя.

– Давайте определимся с оплатой, – провозгласил бодрый лепилинский тенор.

– Я еще не дала вам своего согласия, – сдерживая раздражение, сказала я.

– Мне кажется, с вашей стороны было бы глупо...

– Деньги для меня – важный, но не решающий фактор, – заявила я, с олимпийским спокойствием выдержав испытующий взгляд Лепилина. – Существенную роль для меня при рассмотрении того или иного заказа играет возможность установления с клиентом доверительных отношений. Не побоюсь этого эпитета...

Я намеренно выражалась витиевато и напыщенно, позаботившись о самой пафосной интонации, на которую была способна. Тем же концом – по тому же месту!

– Что вы под этим подразумеваете? – насторожился Лепилин.

Я заметила, что он нервничает, но старается этого не показывать. Привык, наверное, чтобы все на блюдечке с голубой каемочкой...

– Вы должны ввести меня в курс дела. Вам кто-нибудь угрожает?

– Допустим, – с раздражением в голосе, сцепив пальцы, сказал Лепилин.

– Вы знаете кто?

– Нет. Но вчера... – голос его дрогнул, и мой клиент провел рукой по лбу, точно отгоняя от себя тягостные воспоминания. – Вчера взорвали мой автомобиль... – напряженно выговорил он.

– Вот как... – задумалась я.

Дело серьезное. «Но вообще-то ты, Женя, чем-нибудь пустяковым когда-нибудь занималась?» – мысленно обратилась я к себе. Плакали теперь мои августовские каникулы на море.

– ...Я чудом остался в живых, – взволнованно продолжал Лепилин.

Очевидно, внутренняя плотина недоверия рухнула, и теперь он торопился «ввести меня в курс дела».

«Опасная все-таки жизнь у этих толстосумов», – с оттенком сострадания подумала я. Весь их гонор – это компенсация за психические издержки их социального положения.

– Мой шофер погиб! Лимузин к черту сгорел! – с горечью воскликнул он, изменив своему первоначальному хладнокровию, и с тупой отрешенностью уставился в окно.

– Давайте определимся с оплатой, – ободряюще предложила я.

– Вы беретесь? – оживился он, и в его облике впервые промелькнуло что-то незащитно-мальчишеское.

– Пятьсот долларов в сутки вас устроит? – ледяным тоном назвала я сумму гонорара.

– Вполне, – просто ответил он.

Мне показалось, назови я сумму в десять раз большую, он и глазом не моргнул бы.

– Где случился вчерашний инцидент? – с профессиональной суровостью спросила я.

Лепилин немного замялся.

– На Гревской, возле парикмахерской... – наконец выдал он.

С минуту я молча рассматривала Лепилина. Первое впечатление, надо признаться, было не в его пользу. Сейчас же, когда его лицо лишилось своей высокомерно-пренебрежительной маски и, так сказать, под действием сильных эмоций обнажилось, когда на бледном лице ярко обозначилось отчаяние, страх и надежда и его почти классические черты под-

верглись некоторой деформации и утратили свою застывшую правильность, я в полной мере смогла оценить некоторую привлекательность этого, на первый взгляд, совсем не симпатичного молодого человека.

В лице парня проступили даже некая интеллигентность и юношеское обаяние. Густым русым волосам, казалось, было скучно лежать зачесанными, и они то и дело готовы были взбунтоваться против «зализанной» прически, придающей выражению лица Лепилина солидность.

Немного удлинённые голубые глаза, тонкий нос и красиво очерченный рот, который вначале беседы Лепилин неприятно поджимал, выражая этим свое высокомерие и пренебрежение, позволяли назвать их обладателя едва ли не красавцем.

– Как вы думаете, кто мог знать о вашем появлении на Гревской?

– Понятия не имею, – вяло пожал он плечами, опять возвращаясь к образу преуспевающего хладнокровного бизнесмена.

– Если вы не против, Олег... – я хорошо помнила, что отчества он не называл.

– Валерьевич, – помог он мне.

– Так вот, если вы, Олег Валерьевич, не против, я немедленно приступлю к выполнению своих обязанностей, – смело заявила я, глядя на него в упор.

– Я сам хотел вас об этом просить... – довольно мягко

улыбнулся Лепилин.

– Мне не помешала бы еще кое-какая информация о вас и о вашей компании... – дружелюбно сказала я, внутренне приготовившись к отпору. Но этого не произошло.

– Я являюсь заместителем генерального директора. Генеральный директор – мой отец – сейчас находится в больнице. Он перенес инфаркт, – Лепилин нахмурился и тяжело вздохнул, – так что все дела компании веду я. С нашими сотрудниками вы, Евгения...

– Максимовна, – теперь наступила моя очередь подсказывать.

– ...познакомитесь на месте, – закончил Лепилин. – Сейчас я еду обедать, – властным тоном объявил он, – а вы...

– Через пять минут я буду в вашем полном распоряжении, – перебила я и, решив, что остальные подробности можно будет выяснить позднее, извинившись, направилась на кухню, откуда доносился умопомрачительный аромат пассерованного картофеля и жареного линя.

Тетя Мила встретила меня немым вопросом в лукавых, молодых глазах.

– Тетушка, родная, извини, но обедать я не буду.

– Ну тогда поужинаешь, – невозмутимо констатировала привыкшая к моему сумасшедшему рабочему графику тетя и глубоко вздохнула, выражая этим вздохом победу смирения над огорчением.

– Я позвоню, – бросила я ей в дверях.

– Нет, ты посмотри, – удержала меня тетушка, приглашая к окну.

Я подошла к подоконнику и взглянула вниз. Там в тесной компании выдавшего вида «жигуленка» второй модели и «восьмерки» стоял, поблескивая серой перламутровой поверхностью, шикарный джип «Тойота». Возле него дежурили два дюжих молодца. Один, казалось, боялся даже на шаг отойти от дорогой сверкающей игрушки, другой мерно прохаживался неподалеку.

– Их? – кивнула тетя Мила в сторону гостиной.

– Скорее всего, – ответила я и пошла одеваться.

Минуты через три, экипированная соответствующим образом, я вышла из спальни. На мне были короткие джинсовые шорты и оранжевый трикотажный топик. Летом, из-за минимума надеваемой одежды, довольно сложно спрятать на себе наплечную кобуру, и поэтому «макаров» лежал у меня в плоской прямоугольной сумке-кошельке, крепящейся на пояс с помощью ремня. Внешняя ее сторона была с замком на «липучке», и при необходимости я могла одним движением расстегнуть сумку и достать пистолет.

Было в этой «мини-кобуре» еще одно отделение, куда я могла положить кое-какие прикамбасы вроде дротиков с усыпляющим ядом и прочую ерунду, замаскированную под тушь, помаду, лак для ногтей и дезодорант.

Гостиная была пуста, а Лепилин и его телохранитель ожидали меня в прихожей.

– Сейчас пойдем, – сказала я и надела на ноги свои фирменные теннисные туфли, в носках которых были запрятаны выдвигающиеся иглы с парализующим составом.

– У вас потрясающая фигура, Евгения Максимовна, – восхищенно произнес Лепилин, увидев меня.

– Я знаю, – подходя к двери, я щелкнула замком. – Запомните, я всегда иду либо впереди, либо сбоку от вас, а вы без моей команды не предпринимаете никаких действий. Договорились? – Лепилин молча кивнул, и я добавила: – Ваш мальчик пусть идет сзади.

«Мальчик», поигрывая бицепсами, которые буквально разрывали ткань футболки, скосил на меня свои настороженные злые глаза.

– Этот «мальчик», между прочим, старший лейтенант ОМОНа, – неуверенно произнес Лепилин.

– Тогда зачем вы пришли ко мне? – я безразлично пожала плечами.

– Ладно, Игорь, – согласился Лепилин, – делай, как она говорит.

Теперь уже Игорь недоуменно пожал плечами, но, привыкший повиноваться, послушно встал в арьергарде. Так, гуськом, мы спустились вниз. Я осторожно выглянула из подъезда: все было спокойно.

– Пошли, – кивнула я головой Лепилину и направилась к джипу. – Вы садитесь на заднее сиденье за водителем – это самое безопасное место в автомобиле, я – на переднее, Игорь

пусть сядет за руль, остальных можете отпустить.

– Но... – хотел было возразить Лепилин.

– Они будут только мешать, – отрезала я.

– Хорошо. Игорь, отпусти людей.

Игорь что-то шепнул своим подчиненным, и они с невозмутимым видом неспешно двинулись со двора. По мелькнувшей в их глазах искорке я поняла, что они ничего не имеют против и будут только рады посачковать несколько часов.

ГЛАВА 2

Ресторан «Русь», куда Олег Валерьевич направился обедать, располагался недалеко от центра города, в подвале старинного трехэтажного особняка дореволюционной постройки. Оставив Игоря в машине, мы спустились по узкой длинной лестнице и оказались в небольшом уютном холле, отделанном дубовой рейкой.

Налево был гардероб, в летнее время за ненадобностью служивший буфетом, прямо – две двери, ведущие в туалетные комнаты, направо – широкий проход с полукруглой аркой, открывавший вид на обеденный зал. Возле прохода на массивном дубовом стуле скучал охранник в голубой рубашке с галстуком и черных брюках.

– Олег Валерьевич, добрый день, – обратилась к нам с ослепительной улыбкой длинноногая смазливая официантка в короткой темной юбке с накрахмаленным передником, когда мы миновали арку. – Проходите, пожалуйста.

Она смерила меня быстрым оценивающим взглядом.

– Здравствуй, Марина, – кивнул он ей в ответ.

Видимо, Лепилина здесь хорошо знали.

Залов в ресторане оказалось два, расположены они были один за другим. От сводчатых белоснежных потолков приятно веяло прохладой.

Марина проводила нас во второй зал, который был мень-

ше первого и отделан намного изысканней. Этот зал был совершенно пуст, в отличие от большого, где сидело в общей сложности человек пять. Столы здесь были такие же деревянные, но вместо скамеек стояли дубовые стулья с высокими резными спинками. На крахмаленных льняных скатертях красовались огромные плетеные корзинки, наполненные разными фруктами. Через несколько минут мы уже сидели за столиком в углу зала. Заглянув в меню и увидев цены, я поняла, почему народ не валит валом в это уютное прохладное местечко.

– Здесь неплохо, – сказала я, пересев на другое место – спиной к стене.

Так я могла контролировать вход и не опасаться нападения сзади.

– Я иногда здесь обедаю, – Олег Валерьевич сел напротив меня, – когда есть время.

Получив заказ, официантка исчезла в узком проходе за аркой. Такой же проход я заметила и в первом зале. «Видимо, там находится кухня», – подумала я.

– Здесь есть второй выход? – я перевела взгляд на Лепилина.

– Никогда об этом не задумывался, – он смешно приподнял брови. – А что, это так важно?

– В обычной ситуации, может быть, и нет, – спокойно произнесла я, чтобы чрезмерно не запугивать клиента, – но когда за вами охотятся, это может иметь первостепенное зна-

чение.

Олег понимающе кивнул. Вообще-то, он начинал мне нравиться. Немногословный, правильная русская речь, умные глаза... Конечно, эта игра в «крутого» бизнесмена немного портила впечатление, но можно было сделать скидку на его молодость.

Официантка принесла на подносе глиняный кувшин с квасом, блюдо с малосольными огурчиками, красную и черную икру, нарезанный тонкими ломтиками янтарный балык из осетра и огненно-оранжевые соленые рыжики. Все это щедро было украшено перьями зеленого лука и нежными веточками петрушки и кинзы. Теплый дух, поднимавшийся от щедро нарезанных ломтей свежего хлеба, приятно щекотал ноздри.

Официантка хотела было открыть запотевшую бутылку «Смирновской», но, к моему большому удивлению, Лепилин остановил ее.

– Нет, спасибо, Мариночка, мне еще работать.

– Что будете есть? – она поставила бутылку обратно на поднос.

– Ваше фирменное, в горшочках. Вы не возражаете? – Лепилин взглянул на меня.

– Пусть будет в горшочках, – согласилась я.

Марина наполнила большие деревянные кружки квасом и удалилась, унося с собой «Смирновскую».

– Так, значит, вы даже не подозреваете, кто и почему

устроил на вас охоту? – поинтересовалась я, когда мы принялись за закуски.

– Может быть, перейдем на «ты», – поднял он на меня свои голубые глаза.

– Не возражаю, – кивнула я с набитым ртом, – если только ты мне все подробно расскажешь о себе и этом вашем... «Дионисе».

Так между салатами, икрой, балыком и рыжиками Олег поведал мне, что его отец пытался приобщить его к своему бизнесу уже давно – сразу после окончания Лепилиным-младшим школы. Но у Олега совершенно не было тяги заниматься торговлей, и он поступил – причем самостоятельно – в тарасовский университет, который с успехом закончил год назад.

Валерий Николаевич снова стал звать Олега к себе, но, хотя тому и не удалось устроиться на работу по специальности, к отцу он не пошел. Хотел доказать себе, что он и сам кое-чего может добиться в этой жизни. Пошатавшись немного без дела, однажды в баре он встретил школьного приятеля – Равиля Курмакаева, предложившего ему пригонять «под заказ» автомобили из Тольятти.

Бизнес был насквозь криминальный, но жить на что-то было нужно, и Олег согласился, тем более что все контакты с «крышей» осуществлял Равиль. Дела шли неплохо. Но как-то зимой Равиль сообщил ему, что они, оказывается, задолжали несколько тысяч долларов. Как и почему это вышло,

приятель внятно объяснить так и не смог. Чтобы рассчитаться с долгами, Олегу пришлось все-таки обратиться к отцу, который с радостью взял его к себе заместителем с огромным, по меркам Олега, окладом.

К концу весны он набрал нужную сумму, несмотря на неумолимо капающие проценты, и собирался уйти из «Диониса», как вдруг Валерий Николаевич, всегда отличавшийся отменным здоровьем, угодил в больницу с инфарктом. Его место мог бы временно занять коммерческий директор «Диониса» – Автандил Варази, с которым он работал вот уже почти двенадцать лет, но Валерий Николаевич настоял, чтобы исполняющим обязанности остался сын.

Олег не стал перечить больному отцу и вот уже третий месяц управлял огромной фирмой. Собственно, это была теперь уже своего рода корпорация, где каждый склад являлся самостоятельным предприятием со своим расчетным счетом, а каждый кладовщик – директором. Кроме представляемых в фискальных органах официальных доходов, у каждого склада были еще скрытые доходы, составляющие едва ли не такую же сумму, которыми они должны были щедро делиться с Валерием Николаевичем.

Выйти же из-под его опеки они не могли, потому что хитроумный Лепилин-старший в свое время выкупил землю, занимаемую базой, в частную собственность, и теперь в его власти было – заключать с фирмой договор об аренде на следующий срок или нет.

А там, где есть теневые доходы, как известно, есть и интересы мафии, то есть «крыши». Теперь их называют консультантами. Были такие и в «Дионисе»... До последнего времени.

– Как они мне осточертели! – в сердцах вскрикнул Олег, взмахнув рукой с зажатой в ней вилкой. – Ходят по базе, как короли, сами палец о палец не ударят, только каждый месяц им отстегни. За что – непонятно. А сумма-то приличная.

– Какая же, если не секрет?

– Секрет, – Олег поднес палец к губам, – но тебе я скажу.

Он сделал паузу, желая, видимо, ошарашить меня произнесенной цифрой. Я усмехнулась про себя, приготовившись услышать самую большую, которая первой пришла мне в голову, цифру – миллион.

– Сто тысяч... – наконец шепотом произнес он.

– На эти деньги вы могли бы, например, каждый месяц покупать себе новую квартиру... – иронизируя, произнесла я.

– ...Долларов, – добавил Олег.

Я едва удержалась, чтобы не раскрыть рот.

– И это на обычной овощной базе, которая торгует капустой? – не поверила я.

– На большой овощной базе, – кивнул Лепилин, – и забудь про капусту, хотя и она приносит приличный доход. Под овощи у нас занято не больше десяти процентов площадей, или, проще говоря, два склада. На остальных восемнадцати

развернуты различные производства: начиная от крупорушки и кончая производством мягкой мебели и спирта.

Понятно теперь, почему Олег так запросто согласился на запрошенный мною гонорар. Это была тысячная часть «черного нала», получаемого им ежемесячно.

– И сколько же вы отдаете своим консультантам?

– Сто тысяч. Отдавали...

Я присвистнула.

– Неужели они согласились на меньшее?

– Да в том-то и дело, что не согласились, – занервничал Олег. – Может, я, конечно, сглупил, но на прошлой неделе я встретился с Трехой – он у них вроде пахана – и предложил ему умерить аппетиты до пятидесяти тысяч. Он даже слушать не захотел. Я разозлился и сказал, что тогда он вообще ничего не получит.

– И что же Треха?

– Ничего. Что-то брякнул на своем жаргоне и ушел. Больше я ни его, ни его братков на базе не видел. Я отрядил взвод омовцев на проходную и к себе после вчерашнего взрыва лимузина приставил троих телохранителей.

– Значит, ты думаешь, что взрыв лимузина организовал Треха?

– Думаю – да, – кивнул головой Лепилин. – Вообще-то, этот ресторанчик Треха контролирует, вот я и решил сюда заехать, – может, увижу его.

– Не самая лучшая идея – встречаться с противником на

его территории, — произнесла я. — У него что, нет телефона?

— А черт его знает, он всегда там на базе крутился. Или он, или люди его — я по телефону с ним никогда не общался.

— А Валерий Николаевич знает о том, что произошло?

— Зачем его расстраивать, он же после инфаркта.

Я понимающе кивнула и принялась за фирменное блюдо, принесенное Мариной в горшочках, закрытых запеченным тестом, и при нас выложенное на большие тарелки. Исходивший от него аромат был потрясающим, но из чего это блюдо было приготовлено, так и осталось для меня секретом, потому что в этот момент в зал ввалилась парочка, явно принадлежавшая к числу братков.

Один из них был здоровенный малый с головой, вросшей в плечи. В том, что в его мозгах была хоть одна извилина, я очень сомневалась. Другой был помельче, но тоже довольно крупный экземпляр, с тупым, как у носорога, взглядом. Впрочем, я зря сравнила его с этим безобидным животным.

— Водки давай, — крикнул малый без шеи Марине, плюхаясь на стул, жалобно скрипнувший под его тяжестью, — шашлык, е-мое, икры, ну, короче, блин, сама знаешь, че.

Марина без особого энтузиазма направилась на кухню.

— Это люди Трехи, — шепнул, наклонившись ко мне, Олег, — тот, что поздоровее, — Камардос — его правая рука, другой — Фирс.

Дождавшись водки, Камардос сам открыл бутылку и налил себе и приятелю грамм по сто пятьдесят. Не чокаясь, они

выпили, закусили малосольными огурчиками, и тут только Камардос обратил на нас внимание.

– Прикинь, Фирс, какая встреча, – он ухмыльнулся и посмотрел на своего приятеля. – Не признал, что ли?

– Я этого гондона даже в темной комнате узнаю, – гнуса-во произнес Фирс и тоже ощерился, предвкушая небольшое развлечение.

– Ты глянь-ка, какую он телку оторвал, – Камардос хитро посмотрел на меня. – Как тебе, Фирс?

– Пойдет, – осклабился тот.

Камардос разлил еще по сто пятьдесят и, одним махом опрокинув содержимое стакана в желудок, продолжал заводиться себя и своего дружка.

– Значит, вставишь ей, Фирс?

– Гадом буду, вставляю.

– Кончай выдрючиваться, Камардос, – встрял неожиданно Лепилин, – мне нужно поговорить с Трехой. Пусть он меня найдет.

– Ха-кха, ха-кха, – не то закашлялся, не то засмеялся Камардос, – ты, гнида, будешь на карачках ползать – Треху искать, а твою телку я заберу себе.

Он выбрался из-за стола, подошел к нам и попытался схватить своей пятерней меня за локоть. Я стремительным движением отодвинулась, и его рука схватила воздух. Он туповато уставился на меня, – видимо, триста граммов водки начали свое пагубное действие.

– Слушай, ты, мразь, – четко произнесла я, увидев, что он буравит меня своими маленькими колючими глазками. – Пошел отсюда!

К сожалению, другого языка они не понимают. Не скажешь же ему, в конце концов: «Извини, дорогой, я занята и с тобой сейчас пойти не могу». Не поймет. А так есть надежда, что до него дойдет.

В этот раз отказ, даже переведенный мной на их родной блатной язык, не достиг цели. Камардос сделал еще одну попытку схватить меня – теперь уже сзади за шею. Как это он вспомнил, что у других людей есть шея, которая у него напроць отсутствовала?

Я снова уклонилась от его лапищи.

– Ты что, паскуда, не понял меня? – это затянувшееся представление начало мне порядком надоедать. – А ну, вали отсюда, Буратино недоделанный!

Я почти услышала, как что-то щелкнуло в его квадратном черепе, – наверное, последняя извилина пыталась оценить сказанное мною. Он наконец-то понял, что его, эдакого красавца, просто-напросто посылают куда подальше. Его физиономия из агрессивной стала просто-таки злобной.

Он замахнулся, и огромный кулак, размером чуть меньше моей головы, со свистом стал приближаться мне прямо в лицо, грозя размазать весь макияж. Если бы он достиг цели, мне пришлось бы худо. Это меня совсем не вдохновляло, и поэтому, дождавшись, пока «пятипалый снаряд» Камардо-

са оказался на расстоянии нескольких сантиметров от моего лица, я резко толкнула его в предплечье, изменив таким образом траекторию движения.

Вместо того чтобы попасть в меня, кулак Камардоса, просвистев рядом с моим ухом, со всей силой врезался в стену за моей спиной. Раздался хруст то ли ломаемых дубовых панелей, то ли костей Камардоса. Взревев, как раненый зверь, от дикой боли, он замотал рукой и задергал ногами, словно марионетка в руках артиста, с которым случился эпилептический припадок.

– Ну ты даешь! – восхитился Лепилин, который во время моего «общения» с Камардосом несколько раз порывался вскочить, чтобы защитить хрупкую девушку (то есть меня) от рук разбушевавшегося злодея.

Желание, конечно, похвальное, но только не в моем случае. Своей помощью он бы только мешал мне работать. В общем-то, пока что я почти ничего еще не сделала.

– Сука, падла! – вопил Камардос, зажав разбитую руку под мышкой. – Ща я тебя урою, блин!

Его приятель не двигался с места, но я заметила, как он, стараясь сделать это незаметно, полез за пояс своих брюк, прикрытых сверху футболкой. Когда они только появились в зале, я сразу обратила внимание на некоторую оттопыренность на его животе. Если у него пистолет, в чем я практически не сомневалась, дело принимает серьезный оборот.

Незаметно расстегнув сумку-кабуру, я положила ладонь

на шершавую рукоятку «макарова». На душе сразу же стало спокойнее.

Немного пришедший в себя Камардос со звериным рыком кинулся на меня. Я не стала испытывать судьбу и, когда он был достаточно близко от меня, одним движением ноги всадила ему в бедро иглу с парализующим составом. Если мгновением раньше он был похож на марионетку, то теперь уподобился железному дровосеку, у которого заржавели шарниры.

По инерции он пролетел несколько метров и плюхнулся прямо на наш стол. После этого, естественно, ни о каком продолжении обеда не могло быть и речи. Тем временем Фирс уже прицелился в меня из «ПСМ» (уменьшенная копия «ПМ», калибра пять сорок пять). Конечно, оружие не самое грозное, но на таком близком расстоянии способное причинить ощутимый вред.

Оттолкнув ногой Камардоса, я резко подняла пистолет над столом и, всего лишь на мгновение опередив Фирса, выстрелила ему в плечо. Вскрикнув от неожиданности и боли, он выпустил оружие и схватился за рану, из которой хлынула кровь. При виде собственной крови он заверещал, как недорезанный хряк. Перешагнув через железного дровосека, застывшего на полу в замысловатой йоговской позе, я быстро подскочила к Фирсу и с силой схватила его за горло, стараясь не испачкаться в его крови.

– Кто взорвал лепилинский лимузин?

Он перестал орать и уставился на меня вылезшими из орбит глазами.

– Ну, говори, паскуда, – я как следует тряхнула его, сунув под нос дуло пистолета.

– Камардос и Сивый, – морщась от боли, произнес он.

– Это Треха им приказал?

– Да.

Я отпустила его и кивнула Лепилину.

– Пошли.

Привлеченный выстрелом и криком, в зал осторожно заглянул охранник, держа в руках дубинку, как доисторический охотник в поисках мамонта.

– Эти двое на нас напали, – дулом пистолета я указала на братков, – вызови «Скорую» и милицию.

– Может, вы останетесь, – нерешительно произнес он.

– Нет уж, сами разбирайтесь.

– А этот что, того? – охранник показал на лежавшего в «отключке» Камардоса.

– Отдыхает, через часок очухается.

Я спрятала свой «макаров», и мы с Лепилиным невозмутимо продефилировали через первый зал, не обращая внимания на переставших жевать посетителей, уставившихся на нас с испугом.

После прохлады ресторана жара на улице показалась еще более нестерпимой. Устроившись в салоне «Тойоты», охлаждаемом мощным кондиционером, мы тронулись дальше.

Олег из машины позвонил на работу. Когда минут через тридцать мы подъехали к базе, расположенной у самой черты города, нас уже ждали. Тяжелые железные ворота гостеприимно распахнулись, пропуская джип на территорию, окруженную высоким бетонным забором.

По верху забора была протянута частая спираль колючей проволоки. У ворот стояли несколько человек в летней камуфляжной форме, держа наготове автоматы Калашникова с укороченными стволами. «Прямо секретный военный объект какой-то, а не овощная база», – подумала я, но, вспомнив, что овощи являлись не главным направлением деятельности сего предприятия, не удивилась.

Попетляв еще примерно с полкилометра между огромными ангарами, в каждом из которых мог бы свободно уместиться небольшой бомбардировщик, Игорь остановил машину у входа в двухэтажное кирпичное здание, в котором располагалась администрация.

Выйдя из машины, мы направились ко входу. В дверях офиса снова замаячила знакомая камуфляжная форма.

«Штаб-квартира, – подумала я. – Во сколько же, интересно, обходится подобная служба?»

Охранник вежливо улыбнулся нам, пропуская вовнутрь. В помещении царили роскошь и комфорт: пол был застелен

ковровыми дорожками; ярко зеленела тропическая флора; манили своим мягким гостеприимством многочисленные и, к моему удивлению, не кожаные, а с шикарной гобеленовой обивкой диваны; тускло мерцали несколько японских телевизоров с большими экранами, водруженных на специальные пластмассовые подставки в мини-комнатах, напоминавших своим расположением между длинной сетью коридоров бывшие «красные уголки». Благодаря мощным кондиционерам воздух был прекрасно аэрирован.

«Неплохая резиденция», – оценила я, следуя за Лепилиным по бесконечному коридору. Где-то посередине нас ждала лестница, поднявшись по которой мы оказались на втором этаже.

Здесь тоже дышалось легко и свободно. Светлые стены и панели радовали глаз. Миновав несколько кабинетов, Лепилин остановился у шикарной дубовой двери. Заговорщицки прижав палец к губам и понизив голос, он с неожиданным веселым лукавством произнес:

– А вот здесь заседает генеральный директор корпорации.

В ответ я молча улыбнулась. Надо сказать, что в подобном представлении никакой нужды не было: на двери висела латунная табличка, на которой сообщалось как раз то, о чем с таким наигранно-таинственным видом поведал мне Лепилин-младший.

– Кабинет отца, – уточнил он и театральным жестом толкнул дверь.

Мы вошли в просторную комнату, мягко освещенную жарким послеполуденным солнцем, пробивавшимся сквозь плотные жалюзи. Две стены занимали высокие шкафы из светлого дерева с многочисленными полками, на которых в цветных, аккуратно расставленных папках размещалась документация.

На одной из полок я заметила чайный фарфоровый сервиз, явно старинной работы, разрисованный играющими на свирелях смазливymi пастушками и идиллическими картинками сельских пастбищ, а также большие песочные часы в бронзовом корпусе. Казалось, они были надежным и подлинным хранилищем песчаного времени.

За большим столом, заваленным папками и бумагами, перед экраном монитора сидела красивая стройная женщина с гладко зачесанными черными волосами и крупным и чертами лица. Когда мы вошли, она повернула голову, и на ее восточного типа лице застыла магически-таинственная улыбка, а в самой глубине немного раскосых и умело подведенных карих глаз загорелся огонек лукавства и интереса. В ложбинке между грудей полыхал рубин в виде капли на изящной золотой цепочке... Брюнетка собиралась что-то сказать, но Лепилин жестом остановил ее, обратившись ко мне:

– Знакомьтесь, наш секретарь Екатерина Аркадьевна.

Он улыбнулся не менее загадочно, чем секретарша, и игриво скосил на нее глаза. Это навело меня на мысль о том,

что, по-видимому, их неплохие рабочие отношения основаны на взаимном личном интересе.

Екатерина Аркадьевна встала из-за стола и, слегка наклонив голову вправо, продолжала улыбаться своей таинственной улыбкой, в которой я, однако, различила отблеск снисходительного равнодушия.

– Катенька, знакомься, это Евгения Максимовна. – Эту фразу Лепилин-младший произнес в неожиданно мягкой манере, и, если бы не характерный ироничный оттенок, тон его голоса можно было бы назвать слащаво-сюсюкающим.

– Очень приятно, – разжала наконец свои чувственные губы секретарша.

Ее египетские глаза смотрели на меня в упор. Но стоило мне попробовать пронзить взором их темную мерцающую глубину, как я испытала неприятное тревожное чувство, ощутив себя стеклянной стеной, которую сверлил луч ее почти рентгеновского взгляда.

– Взаимно, – выдавила я из себя подходящую для случая улыбку, отвечая на дежурную реплику секретарши.

– Не знаю, что бы мы делали без нашей Катерины, – Лепилин изобразил самодовольную гримасу и добавил: – Теперь меня всегда и везде будет сопровождать Евгения Максимовна.

Он скосил глаза в мою сторону и весело подмигнул секретарше.

Та довольно вяло прореагировала на лепилинскую репли-

ку, но я сразу раскусила нарочитость ее меланхолично-понимающего взгляда. Очевидно, сочтя меня недостойной особого внимания соперницей, Екатерина Аркадьевна, как мне показалось, намеренно фамильярно обратилась к своему шефу.

– Это что же, Олег Валерич, твой новый телохранитель?

Лепилин недовольно поморщился: видимо, его все-таки покоробил подобный тон своей секретарши.

– Именно, новый, – в знакомой мне уже суховатой манере ответил он. – Тем более, если учесть, что «старого» у меня еще не было.

Не удостоив больше Катеньку взгляда, Лепилин толкнул дверь, ведущую в кабинет отца.

– Пригласи Автандила, – бросил он ей, не поворачиваясь.

Мне в спину уперлось хладнокровное молчание офисной дивы.

– Вот моя деревня, вот мой дом родной, – захлопнув дверь, Лепилин вновь обрел утраченное было хорошее расположение духа. – Присаживайся.

Размашистым жестом он очертил в воздухе дугу, вместившую сразу три кожаных кресла.

– Я, если позволишь, сначала хочу осмотреться. – Я подошла к окну и, раздвинув пальцами рейки жалюзи, посмотрела вниз.

Залитое солнцем пространство, отделяющее стены здания от двухэтажного склада, было довольно узким и неухо-

женным. Плавающий под огненными лучами асфальт, казалось, был на волоске от того, чтобы не расплзтись в удушающем чаду испарений, характерных для городских каменных джунглей; пыльные заросли бурьяна, из которых торчали какие-то ржавые железки, производили весьма унылое впечатление.

«Что же это он, не видит, что ли, что у него под носом делается?» – мысленно задалась я вопросом, пораженная бьющим в глаза контрастом между шикарнейшей обстановкой офиса и непрезентабельным видом из окна.

Осматривая этот участок складской территории, живо напомнивший мне тюремный двор со знаменитой картины Ван Гога, я повернулась к Лепилину. Он уже успел сесть за стол и, откинувшись на спинку кожаного кресла, выжидательно крутился на нем. На его лице застыла какая-то идиотски блаженная улыбка.

«Просто удивительно, – подумала я, – как один и тот же человек через короткие промежутки времени может вызывать попеременно то самую искреннюю симпатию, то прямо-таки отвращение».

Казалось, Лепилин угадал, о чем я думаю, потому что тут же сменил позу, и рассеянное благодушие на его лице сменилось серьезным задумчивым выражением. Точно повинуясь исходящему от Лепилина странному импульсу, я села в ближайшее к нему кресло и вопросительно посмотрела на него. Он опустил глаза и несколько минут, грозивших рас-

тянуться в вязкую каучуковую вечность, казалось, о чем-то размышлял.

Пользуясь этой внезапной паузой, я окинула взглядом комнату. На стене, прямо над головой Лепилина, висел портрет Столыпина. Суровое благородное лицо этого умудренного жизнью государственного мужа плохо вписывалось в обстановку кабинета, которая в свою очередь была современной: офисная мебель, пластик, прямые контуры столов и шкафов, официально-безликая кожа кресел и диванов, блестящие никелем подставки двух настольных ламп... Переведя взгляд обратно на Лепилина, я увидела, как он со спокойной, ироничной усмешкой наблюдает за мной.

– Тебе, я вижу, здесь не нравится... Раньше тут все было по-другому. Отец предпочитал ретро, а я – модерн, ничего не поделаешь, – он смущенно вздохнул. – От старой обстановки я оставил только это, – он указал на портрет.

Я понимающе кивнула. В этот момент зазвонил внутренний телефон.

– Слушаю, – властно произнес в трубку Лепилин.

«Вероятно, отцу подражает», – не удержалась я от мысленного комментария.

– Так, так. Спасибо, Катя, как появится, пусть срочно зайдет ко мне.

Лепилин положил трубку и поднял на меня свои голубые глаза.

– Понимаю твое недоумение, – несколько рассеянно про-

изнес он, вертя в руках авторучку, которую машинально достал из письменного прибора, – но, как уже сказал, я не собирался заниматься этим бизнесом. Я согласился возглавить фирму по просьбе отца, да и то лишь потому, что тот болен. Но раз уж я занимаюсь этой работой, то мне хочется сделать ее как можно лучше.

– А напортачить не боишься? – я выбрала одно из кресел, сидя в котором могла наблюдать за входом, одновременно разговаривая с Лепилиным (сделала я это скорее по привычке, нежели из соображений безопасности своего клиента). – Не слишком ли ты круто взялся за дело?

– Ты считаешь, я действую неправильно? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Вообще-то нам преподавали основы маркетинга, но крупным специалистом в такого рода бизнесе себя не считаю, – пожала я плечами.

– Кстати, – заинтересовался Олег, – где ты научилась так владеть и оружием, и своим телом?

– Было такое закрытое спецзаведение в столице нашей Родины, куда принимали исключительно дочерей высокопоставленных родителей. А так как мой отец был генералом, ему удалось меня туда пристроить. Готовили из нас дипломатов и шпионов, что практически одно и то же, а одновременно учили владеть не только всеми видами оружия и своим телом, как ты говоришь, но и мозгами, – я снисходительно улыбнулась. – Я, например, умею произвольно повисить

или понизить температуру своего тела, проснуться без будильника в нужное время с точностью до трех минут, инстинктивно чувствую опасность, исходящую от человека... Дальше перечислять?

– Достаточно, – Лепилин поднял руки и рассмеялся. – Ты прямо Джеймс Бонд какой-то.

– Ага, – согласилась я, – если не считать того, что Джеймс Бонд – выдуманный персонаж, а я существую реально.

ГЛАВА 3

Прошло по крайней мере еще минут двадцать – двадцать пять, в течение которых мы с Лепилиным обменялись ценными наблюдениями из жизни российского бизнесмена и бодигарда, когда, игнорируя энергичное сопротивление не то действительно возмущенной, не то изображающей возмущение Екатерины Аркадьевны, в кабинет ввалился коренастый среднего роста... пират, издавая при этом характерные горланые звуки.

Настоящий корсар! Я даже не могла предположить, что в серьезном офисе можно появляться в подобном виде: выцветшие джинсы, полинялая футболка в пятнах пота, стоптанные мокасины... на голове – выцветшая бандана, а на обнаженной волосатой груди – экзотическое ожерелье из керамики.

– Это Автандил Варази, наш коммерческий директор, – представил «пирата» Лепилин.

Внешность «корсара» была под стать этой причудливой в условиях современного офиса амуниции: худое, изрезанное глубокими морщинами лицо Автандила поражало своей дьявольской асимметрией: крупный орлиный нос хищно нависал над ядовито изогнутой верхней губой, голубые глаза с плутоватым прищуром, казалось, обладали соколиной зоркостью. Но, в противоположность этому «пиратскому» наря-

ду, выбрит коммерческий директор был безупречно. Сильный загар добавлял ему дикого шарма, как бы закрепляя за ним репутацию «морского волка».

– Автандил, я же обязана доложить! – уступая его игровому нажиму, пыталась остановить «флибустьера» секретарша.

– Кать, ладно, уж пусть войдет, все равно я его жду! – засмеялся Лепилин, так широко открыв рот, что я по достоинству смогла оценить его здоровые белые зубы.

– Олег, слушай, што такое?! – выкрикнул он. – Порядки, што ли, новые у нас? Никак к тэбе нэ прабица!

– Ну и видок у тебя! – с веселой усмешкой заметил еще раз крутанувшийся в своем кожаном кресле Лепилин. – Ты где же такой «прикид» выкопал? Никак в «Патроне» отоваривался?

– В «Натронэ», – передразнил шефа Автандил, плюхаясь в кресло напротив меня.

– Где тебя черти носят? – неожиданно повысил голос ставший вдруг серьезным Лепилин.

– Ну ты, начальник, даешь, – фамильярно отозвался Автандил, переводя взгляд со своего шефа на меня, – я ж по твоему приказу дарогу в Чардым прабивал... природа, Волга, щашлык, дэво... – Автандил внезапно осекся.

– Ах да! Совсем из головы вылетело! – ударил себя по лбу Лепилин, и его лицо озарилось озорной мальчишеской улыбкой.

– Вах, скажу я вам, красатыща! – Автандил облизнул сухие губы и, поднеся щепоть пальцев к узкому рту, аппетитно причмокнул.

– Там у Катки в холодильнике пиво, – предложил Лепилин.

– Нэ-э-э, – протянул Автандил, – я за рулем. Вот завтра, на просторах... – он опять загадочно посмотрел на меня. – А от минэралки я б нэ отказался.

– Кать, обеспечь-ка нам минералку, – с легким пренебрежением в голосе сказал Лепилин, нажав кнопку селекторной связи.

– А гостья твая с нами паэдыт? – Автандил хитро улыбнулся.

Надо же, принял меня за подружку Лепилина! Хотя ни ростом, ни наружностью бог меня не обидел, эта мысль почему-то показалась мне смешной.

– Поедет, – Лепилин хитро посмотрел на меня и едва заметно улыбнулся.

– А как завут нашу гостью? – теперь Автандил бесцеремонно рассматривал меня в упор.

– Знакомься, Автандил, это Охотникова Евгения Максимовна, мой бодигард.

Автандил от неожиданности даже присвистнул, но потом, быстро справившись с легким замешательством, понимающе закивал.

– Паня-а-ятна, – задумчиво протянул он, не сводя с меня

своих пронзительных голубых глаз.

– Так, отдых – отдыхом, теперь давай о деле, – опять сосредоточился Лепилин.

– Жэлэзный дарога апят падводыт, – Автандил сделал неопределенный жест ладонью, – уже на два дня паставку тавара задэрживаает.

– Это компьютеры, что ли? – осведомился Олег, по-видимому, неплохо ориентировавшийся в делах вверенного ему предприятия.

– Кампутэры, принтэры, сканэры, – перечислил Автандил, – пачти на двэсти тысяч долларов.

– Еще что? – вздохнул Лепилин. – Как с кредитом?

– Крэдит будэт, с банком я всо уладыл, – Варази выразительно посмотрел на начальника, – нада срочна зарэгыстрировать фырму.

– Я же тебе сказал, Дил, – строго посмотрел на него Лепилин, – я на это дело не пойду.

– Как нэ пайдешь? – возмущенно произнес Варази. – Ты жэ сагласылся ужэ!

– Я передумал. К чему нам неприятности? Тебе что, денег не хватает?

– Ай, канэчна нэ хватаэт.

– Да ты только за этот год уже четвертый «Мерседес» меняешь!

– Слушай, у мэня сэмя, родствэники – всэ кушать хатят, щашлык-мащлык хатят, машину хатят, – распалялся Автандил.

дил, – мнэ самаму нычево нэ нада. Твой атэц нэ пропустил бы такой сдэлка.

– Это не сделка, а чистой воды махинация, – сопротивлялся Лепилин, – за это и в тюрьму загреметь можно.

– Зачем турьма? – искренне удивился Автандил. – Всэ так дэлают! А штобы турьма нэ попасть, дэлица нада.

– Вечно тебе неймется, Дил, – осадил его Лепилин, – вспомни, как месяц назад с твоей подачи мы лопухнулись с мебелью. Она до сих пор на складе у Марата стоит...

– Мэбэль уйдет, – уверенно произнес Автандил, – нада хорошую рэкламу сдэлать.

– Вот когда уйдет, тогда и поговорим.

– Нэльзя ждат, я уже дэнег дал, штобы этот кредит получить. Луди долго ждат нэ будут.

В кабинет без стука вошла Катерина с двумя запотевшими бутылками нарзана на подносе. Поставив поднос, она наполнила стаканы и, вильнув бедрами, исчезла за дверью. Варази проводил ее плотоядно-насмешливым взглядом и облизнул пересохшие губы. Я с удовольствием сделала несколько глотков ледяного, чуть солоноватого напитка. Автандил одним глотком осушил стакан и крякнул от удовольствия. Лепилин не торопясь отпил из своего половину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.